

Социалистическая ориентация: аномалия или естественная фаза мирового развития?

Сегодня кажется, что человечество окончательно расстается с величайшим заблуждением - с идеей построения по определенной схеме идеального общества, своего рода рая на Земле. От некогда мощного социалистического лагеря (содружества) остались только Куба и Северная Корея, переживающие глубочайший кризис, да Китай и Вьетнам, экономические успехи которых, однако, обеспечиваются, скорее, по логике капиталистического развития. Но пока в мире есть хоть одна социалистическая страна, мы не можем с достаточно аргументированных позиций утверждать, что с феноменом альтернативного развития (в данном случае с феноменом марксистско-ленинского социализма) навсегда покончено, и, как громко объявил Ф. Фукуяма, наступает "конец истории"¹.

Дело не только в том, что человечество еще никогда не следовало лишь одной модели общественного развития. Тем более, что оно издревле имело, если можно так сказать, ступенчатый характер: в одно и то же время мир был представлен различными формациями. Важно учитывать, что огромная часть развивающегося мира ("третьего мира"), наиболее бедного и отсталого, еще не смогла выйти на реализацию той модели, которая обеспечивала бы ей устойчивый прогресс. Поэтому нельзя исключать, что, разочаровавшись в рыночной экономике, в западной модели политической системы, по крайней мере какая-то часть этих стран (в первую очередь африканских) не попытается вновь испробовать марксистскую модель развития.

Не менее существенно, на мой взгляд, и то, что в реальности история реализует тот вариант развития, который *имеет наибольшие шансы состояться*, и в этом смысле случайностей в истории не бывает. То, что произошло, имея в виду и возникновение, и гибель мирового социализма, должно было произойти. Именно так я понимаю известные слова Гегеля: что разумно, то действительно, а что действительно - то разумно. Следовательно, социализм не был и не мог быть случайностью в истории, как не стал случайностью и его крах как мирового феномена. Следовательно, задача исследователя состоит лишь в том, чтобы попытаться найти этому адекватное объяснение. Только время покажет, носит ли уход социализма со сцены необратимый характер или, как утверждают российские коммунисты, временный. Речь при этом идет о марксистском, если не сказать ленинско-сталинском социализме.

¹ "Конец истории" Фукуямы, равно как и пророчества С. Хантингтона насчет грядущих схваток разных цивилизаций, на мой взгляд, больше рассчитаны на эпатаж общественного мнения и саморекламу, нежели на то, чтобы дать верную картину будущего мира.

Сегодня широко используются такие выражения, как "страны постсоциализма", "страны посткоммунизма" и просто "постсоциализм", "посткоммунизм". Но мало кто говорит о "постнекапиталистическом пути" или "постсоциалистической ориентации". Между тем развивающихся стран, в разное время пытавшихся следовать теории некапиталистического развития, добиваться прогресса на пути социалистической ориентации, в общей сложности насчитывается не менее двух десятков. Пионерами тут оказались Египет, Гана, Гвинея, Мали. По близкой траектории в свое время развивались Индонезия при правлении доктора Сукарно. Тунис в 60-е годы. В числе стран, ориентирующихся на социализм, фигурировали Ирак уже в годы правления С. Хусейна и Ливия, возглавляемая М. Каддафи.

Своеобразным было развитие Сирии, Танзании, Алжира и др. Здесь использовались лишь отдельные принципы марксистско-ленинской теории построения социализма, в основном же эти страны следовали своим концепциям социального прогресса. Безусловно, некапиталистическим считалось и развитие Бирмы, которая едва ли не дольше других стран находилась на этой дороге, но тоже следуя своему особому "бирманскому пути к социализму".

Ряд стран - Кабо Верде, Сан Томе и Принсипи. Гвинея Бисау, также используя лишь отдельные элементы марксистско-ленинской теории, но не имея собственных концепций построения социализма, заявляли о своей приверженности социализму и на практике проводили многие преобразования в духе, так сказать, "классических" стран социалистической ориентации, так или иначе копируя советский опыт [1]. Нельзя также не вспомнить и о странах, которые шли по пути прогресса под флагом "африканского социализма". Это прежде всего Сенегал и Кения в годы президентства, соответственно, Л. Сенгора и Д. Кениаты.

Наконец, была большая группа стран, лидеры которых открыто заявляли о приверженности научной теории социализма, создавали партии по принципу ленинской Партии "нового типа", многое заимствовали из практики социалистических преобразований в СССР, развивали широкие связи со странами реального социализма, а нередко и координировали с ними свою внешнеполитическую деятельность. Это Ангола. Мозамбик, Конго, Эфиопия, Южный Йемен и др. Вспомним и несколько стран Латинской Америки, которые в советской литературе причислялись к странам некапиталистического пути развития, например Никарагуа.

Не могу не упомянуть также, что в свое время академик Е. Жуков на вопрос, какие страны нам считать странами некапиталистического пути развития, ответил: "Монголию. Безусловно, Монголию"². То есть страну, где некапиталистическое развитие (как оно тогда у нас понималось) уже состоялось. Но так или иначе и результате распада СССР, краха так называемого мирового социализма не то "постсоциалистическими", не то "постнекапиталистическими" оказались такие страны, как Монголия, уже именовавшаяся социалистической, а также бывшие союзные республики бывшего СССР в Центральной Азии.

Все это не может не породить ряд вопросов. Во-первых, как и почему появилось такое явление, как некапиталистическое развитие или социалистическая ориентация в "третьем мире"? Во-вторых, почему она потерпела крах? В-третьих, что она после себя оставила? Причем последний вопрос принципиально важен для определения места этого феномена в историческом процессе.

Попытка ответить на эти вопросы целесообразна хотя бы потому, что такое явление, как социалистическая ориентация стран Азии, Африки и Латинской Америки, было отнюдь не мимолетным. Многие годы советские ученые потратили на его изучение. Много ресурсов из бывшего СССР ушло на поддержку становления новых форм

² Эту мысль он не раз высказывал, будучи заведующим кафедрой Академии общественных наук при ЦК КПСС, где я был аспирантом.

жизни в странах социалистической ориентации. В данном случае не суть важно, был ли этот феномен заблуждением (причем массовым) или же он был вызван объективными обстоятельствами, так сказать, призван историей сыграть свою роль в общественном процессе освободившихся стран, а возможно, и в более широком контексте. Главное - этот феномен реально существовал и оставил свой след, порой весьма глубокий, в жизни многих народов.

Но при этом мы должны иметь в виду, что "реальное" некапиталистическое развитие - социалистическая ориентация - не самостоятельное явление, а, если так можно выразиться, продукт реального социализма. Его появление непременно предполагает наличие в мире стран марксистско-ленинского социализма. Отсюда следуют два вывода. Во-первых, то, что крах реального социализма должен был обернуться и крахом социалистической ориентации. Во-вторых, что последнюю нельзя рассматривать вне теории и практики научного коммунизма.

Что есть социализм при ретроспективном взгляде?

В свое время возникло такое понятие, как "мировой социализм". В него включались не только страны реального социализма, но и государства социалистической ориентации. Также подразумевалось, что это понятие охватывает и компартии капиталистического и развивающегося мира, в особенности тогда, когда за ними стоит реальное влияние на большие массы людей. Например, компартия Индии (марксистская) на протяжении длительного периода времени является правящей в штате Западная Бенгалия, по численности населения (примерно 60 млн человек) равного крупной европейской стране. И хотя этот вопрос по известным причинам четко никогда не артикулировался, полагаю, что в понятие "мировой социализм" негласно включались и те крупные административные единицы развитых стран (Италии, Франции), где власть коммунистов носила довольно устойчивый характер.

Когда-то ведь предполагалось, что число областей и районов, в которых население отдает предпочтение правлению коммунистов в местных органах власти, будет постепенно нарастать³. Если Мао Цзедун считал, что завоевание деревни приводит к завоеванию города, то некоторые европейские коммунистические идеологи думали, что завоевание местных органов власти в конечном итоге приведет к завоеванию власти в центре.

Иначе говоря, все, что связано с "мировым социализмом", так или иначе имеет первооснову в теории и практике социализма, получивших развитие в "первой в мире стране победившего социализма" и затем распространенных на многие другие страны. В конечном итоге социалистическая ориентация - это лишь способ достижения того же, что прокламировали в своем "Манифесте" К. Маркс и Ф. Энгельс.

В свое время В. Ленин давал десятки определений понятию "диктатура пролетариата". Полагаю, что и понятие "социализм" можно было бы дать не меньше определений. Кто-то назовет его теорией и практикой социального моделирования, что, как известно, решительно осуждается мировым сообществом. А кто-то посчитает его тупиковой ветвью общественного прогресса. (В конечном итоге - тупик, но на каком-то этапе - прогресс.) Кто-то даст еще некое определение. И каждый будет по-своему прав. Но при этом, думается, целесообразно было бы по возможности объективно выяснить, что на самом деле есть теория и практика социализма, так сказать, жизнь нашего недавнего прошлого. Не будем забывать принципа: "не зная прошлого, нельзя предвидеть будущее".

В самом деле, если к социализму подходить как к заблуждению целой эпохи, заблуждению нескольких поколений отнюдь не худших умов человечества, то из этого следует и соответствующий вывод: преодолев заблуждение (отнюдь не единственное

³ Кстати, той же концепции придерживается и лидер КПРФ Г. Зюганов, говоря о том, что коммунисты поставили в практическую плоскость задачу "выдавливания" реформаторских сил из власти в регионах. Этот тезис он стал активно пропагандировать после губернаторских выборов 1996-1997 годов.

на своем пути), человечество пойдет дальше своей дорогой. Но можно посмотреть на проблему и с другой стороны. Как появление мирового социализма, так и его исчезновение - *естественные фазы в развитии человечества*. На каждой из них решались (решаются) свои задачи. Какие? Это нам, ныне живущим, может и не быть ясно до конца. Здесь скорее можно строить предположения, выдвигать гипотезы, чем делать окончательные выводы.

Например, борьба за социализм и само его появление в одной части мира ускорили прогресс всего человечества, в том числе ликвидацию колониализма как системы. Формирование двухполюсного мира в ядерную эпоху, с одной стороны, грозило миру самоуничтожением, а с другой - предотвратило возникновение больших войн на беспрецедентно длительный для нового времени срок, изменило в сознании людей отношение к войнам как таковым. Оно же резко ускорило международную интеграцию. Сначала на Западе с целью мобилизации сил "капиталистического мира" для борьбы с "мировым коммунизмом". Потом эта интеграция обрела собственную логику и динамику, начала втягивать в свое русло страны уже отнюдь не по законам конфронтации. Сегодня интернационализация экономических, общественных и иных отношений стала велением времени, носит безусловно исторически прогрессивный характер. Убежден, что без наличия в мире противоположных противоборствующих систем нынешнего уровня интеграции в Европе и мире в целом не было бы.

Еще один взгляд на вещи - посмотреть и на само появление марксизма, и на выросший из него реальный социализм через призму реакции общества на сам прогресс. В данном случае речь идет о реакции традиционного, докапиталистического общества на зарождение и становление капиталистической, т.е. индустриальной, фазы развития. В момент зарождения научного социализма на его родине, в Германии, еще были сильны докапиталистические отношения, особенно в сфере духовной жизни. Модернизация, сердцевинной которой являются индустриализация и сопутствующая ей урбанизация, везде и всюду встречает сопротивление, ибо, как правило, сопровождается негативными явлениями в социальной и духовной сферах (ростом пауперизма, люмпенства, случаев антисоциального поведения, разрушением традиционного уклада жизни и многих прежних ценностей еще до того, как им на смену придут новый уклад жизни и новые ценности). На уровне массового сознания эти явления часто воспринимаются не как побочный продукт вступления страны в новую, исторически более прогрессивную фазу развития, а как следствие порочного пути развития.

При этом реакция может быть разной. От появления движения "луддитов" в Англии до попыток вернуть страну в раннее средневековье, имевших место в разгар исламской революции в Иране. Да и в нынешней России "дикий капитализм" как побочный продукт бурного и во многом хаотического становления нового экономического строя (несомненно, исторически более прогрессивного, нежели экономический строй реального социализма) многими воспринимается как следствие реализации навязанной России извне и чуждой ее традициям модели⁴.

Те, кто склонен смотреть на марксистскую теорию как на отражение на уровне высокого теоретического обобщения реакции полутрадиционного-полуиндустриального общества на буржуазную модернизацию, всегда могут апеллировать к тому, что социализм стал уделом слаборазвитых стран. Он не победил ни в одной развитой стране мира, хотя и был предназначен как раз для них. А в развитых странах, где социализм фактически был силой навязан извне, например в бывших Чехословакии, ГДР или Венгрии, с ним распрощались тотчас же, как только исчезли внешнее давление и опасность вооруженной интервенции ради восстановления реального социализма. Исчезли в этих странах как сколько-нибудь влиятельная политическая сила и сами носители коммунистической идеологии.

Сделаем, однако, при этом некоторые уточнения. Возникновение даже самой совер-

⁴ То, что Россия однажды уже прошла эту фазу и вынуждена снова ее проходить из-за того, что большевики вытолкнули ее из русла естественноисторического развития, понятно, забывается.

шенной, т.е. поистине научной, теории социального прогресса еще не гарантирует ей успех, "превращение ее в материальную силу", говоря марксистским языком. Для этого она должна ответить на сокровенные ожидания многих людей. Но эти ожидания, как известно, могут быть построены как на реальной, так и на иллюзорной почве. Возникнув в центре Европы, марксизм, несомненно, породил такие ожидания среди миллионов тогдашних обездоленных, чьи интересы взялись выражать идеологи марксизма. Но по мере модернизации европейского общества, с развитием капитализма иллюзорные ожидания райской жизни на земле, которая начнется после ликвидации частной собственности, установления на переходный период (не известной продолжительности) диктатуры пролетариата, создания промышленных армий и пр., постепенно рассеивались. С одной стороны, росло недоверие к методам построения этого рая и обещаемым в итоге благам, а с другой - увеличивались возможности реального получения благ, которые год от года давал быстро шедший в гору капитализм. Это, кстати, не раз признавал живший в Англии Энгельс, объясняя своим почитателям из континентальной Европы причины того, почему британский пролетариат слабо увлечен идеей социалистической революции. И по мере окончательного превращения европейского общества в современное (в иной терминологии - буржуазное) марксизм все больше уходил на задворки общественного интереса.

В России же в канун Октябрьской революции около 85% населения жило в деревне, общество было в основном традиционным. Поле иллюзорных ожиданий увеличивалось еще из-за того, что массовое сознание в силу ряда причин не было рационализировано, несло на себе печать иррационализма как важнейшей предпосылки для роста социального утопизма. Переиначив слова Ленина о том, что Россия выстрадала марксизм, скажем: Россия в лице большевизма *выстрадала теорию, сулившую удовлетворение иллюзорных ожиданий.*

Но даже урбанизовав страну в ходе индустриализации, большевики на деле *не уничтожили традиционного общества.* Носителями традиционного сознания являлись не только крестьяне, но и многие промышленные рабочие, о чем впервые открыто стали писать социологи с началом горбачевской перестройки. И это понятно: сам уклад жизни при реальном социализме был основан на многих социальных опорах и ценностях именно традиционного общества. "Обессобственничание", обезличивание, насаждение упрощенной коллективистской психологии, психологии "честной бедности" и т.д. - все это могло появиться только в условиях традиционного общества с его менталитетом и ценностями, которые неизбежно уходят в прошлое в процессе капиталистической модернизации.

Влияние коммунистов в постсоциалистической России держится на все тех же опорах традиционализма, точнее, на его остатках. Это прежде всего колхозно-совхозная деревня, которой очень трудно приспособиться к рыночным отношениям. Это немалая часть старших поколений, которым трудно принять буржуазные ценности, да и трудно жить в условиях конкурентной экономики. Все те же иллюзии продлевают жизнь российскому коммунизму, хотя уже иные по содержанию. Иллюзии о возможности возрождения СССР, восстановления советской власти. Но главное - это иллюзия о возможности возвращения "золотого брежневского века" с его дешевой колбасой.

Среди сторонников идеологии коммунизма оказалась и часть советской творческой интеллигенции, которая тоже, по существу, являлась традиционалистской и могла процветать, только обслуживая коммунистический режим и фактически имея за это госзаказы на интеллектуальную продукцию независимо от ее реальной конкурентоспособности. При этом она пользовалась развитой системой социальных благ и поощрений. Ведь нигде в условиях свободной экономики и свободного общества нет такого феномена, как интеллигенция. Как особая общность это тоже продукт традиционного общества.

Заслуживающей внимания является и такая точка зрения на социализм. Допустим, Маркс и Энгельс нашли в лице пролетариата тот рычаг, с помощью которого, как

Архимед, вознамерились перевернуть весь мир. Допустим, на уровне сознания носителей коммунистической идеологии действительно преобладает стремление к построению общества на принципах, изложенных в марксизме. Но на уровне подсознания господствующими являются иные мотивы, а именно: в кратчайшие исторические сроки преодолеть отсталость страны, используя для этого все те рычаги и мотивации, которые вытекают из марксизма, в особенности "русифицированного марксизма". На мой взгляд, русскими большевиками двигало в первую очередь именно это стремление. *Большевизм стал теоретическим обоснованием принципа "догоняющего развития"*. Как, кстати, различные типы национального социализма (а не только марксистского) становились теоретической основой "догоняющего развития" в освободившихся странах. При том что теоретическим фундаментом "догоняющего развития" могут служить самые разные концепции, положения и лозунги. Например, О. Бисмарк, силой объединив Германию, в качестве идеологии "догоняющего развития" использовал национализм. Материальной основой ему послужила контрибуция, наложенная на Францию, проигравшую в 1870 году войну Германии. Материальной основой "догоняющего развития" для большевиков стали предельная концентрация всех ресурсов на довольно узком направлении в ущерб прежде всего народному потреблению.

Спорным, если не сказать несостоятельным, но заслуживающим, пожалуй, еще большего внимания является взгляд на теорию и практику социализма вот с каких позиций. Да, признают его сторонники, воплощение в России (и, понятно, в СССР) теории социализма было неудачным. Да, говорят они, искажалась и опошлялась марксова теория. Но сама эта теория как была, так и остается "вечно живым учением". Отсюда следует, что надо вернуть марксизму его "истинную сущность" и воплотить его в жизнь более профессионально, чем раньше, без имевших место в прошлом "злоупотреблений". Как говорит Зюганов, спор между социализмом и капитализмом еще продолжается. Уязвимость этой точки зрения состоит, на мой взгляд, прежде всего в том, что марксизм-ленинизм пытались реализовать по-разному в СССР и Югославии, в Польше и Албании. Но результат получился примерно один и тот же: он не выдержал конкуренции с противоположной системой и рухнул.

На деле выходит, что марксизм сам себя опроверг. Как известно, Маркс утверждал, что, во-первых, ни одна общественная система не умирает раньше, чем будут исчерпаны ресурсы ее развития. Во-вторых, она доказывает свои преимущества перед умирающей системой прежде всего в сфере экономики, добываясь несравнимо более высокой производительности труда. Если это верно, то по марковским критериям социализм не состоялся. Нигде социальная система, основанная на общественной (на деле государственной) собственности и плановом хозяйстве, не смогла даже приблизиться к уровню эффективности стран с рыночной экономикой.

Маркс полагал, что капитализм либо уже исчерпал себя, либо вот-вот исчерпает, а главное - что он запутался в своих противоречиях, из которых нет иного выхода, кроме революционного, кроме ниспровержения самого этого общественного строя. На деле же старый капитализм нашел в себе ресурсы для саморазвития, самоналадки, для того, чтобы на собственной основе перерасти в более совершенную и гармоничную фазу, называемую многими исследователями "посткапитализмом".

Несостоятельность марксистско-ленинской схемы переустройства общества в то же время еще не доказывает по крайней мере двух и весьма существенных вещей. Во-первых, был ли социализм недоразумением, случайностью и т.п.? Если принять теорию научного социализма за социальную гипотезу, то по аналогии можно сделать вывод: гипотеза, не переросшая в теорию, тем не менее может *существенно подтолкнуть прогресс человечества на каком-то направлении*. Во-вторых, нет и доказательств того, что теория Маркса *исчезла из реальности бесследно*. Нет, она оплодотворила социал-демократическое мировое движение, остающееся по сей день мощнейшим фактором мирового развития. Устойчивое нахождение социал-демократов у власти в странах Скандинавии, возвращение к власти лейбористов Великобритании, победа социал-демократов на парламентских выборах во Франции еще раз показывают, что

поиски основателями научной теории социализма альтернативы старому капитализму в конечном итоге материализовались в социал-демократической модели развития. Разумеется, это произошло не так, как они полагали.

Кроме того, теория Маркса дала жизнь большевизму, а тот, в свою очередь, вызвал к жизни социально-экономическую систему, рожденную Октябрьской революцией. Когда уляжется наш праведный гнев и по поводу большевизма, и по поводу революции, принесших неисчислимые бедствия стране, мы увидим: *то, что изменило лицо планеты, не могло быть исключительно негативным*. Кто знает, как пошло бы, например, развитие колониального мира, если бы не существовало альтернативного капитализму общественного строя.

Социалистическая ориентация: порождение теории или практики

Сейчас нет смысла входить в детали, восстанавливая все, что кем-либо из известных теоретиков марксизма говорилось на этот счет. Но кое-что, пожалуй, следует подчеркнуть. Во-первых, теории некапиталистического развития (позже чаще называемой теорией социалистической ориентации) как таковой никогда не было. Были отдельные высказывания классиков марксизма, которые в лучшем случае носили характер научной гипотезы. Причем делались они, как правило, в ответ на вопросы тех сторонников социализма, в особенности из числа русских народников, которые наивно полагали, что надо спасти свою страну от капитализма и что это спасение может быть найдено в марксовом социализме. Причем эти сторонники "крестьянского социализма" обычно абстрагировались от того обстоятельства, что социализм, по определению, мог вырасти только из капитализма как важнейшей фазы мирового прогресса.

Во-вторых, о гипотезе некапиталистического развития то забывали, то снова вспоминали в зависимости от конъюнктуры. Так, Ленин, борясь с народниками, называл их упование на то, что России удастся избежать капиталистической стадии развития, бреднями. По его словам выходило, что Маркса народники, грубо говоря, припирали к стенке, и тот, чтобы не обидеть носителей идеологии русской крестьянской революции (которой классики придавали большое значение, ибо считали, что она могла бы облегчить социалистические революции в Европе), строил на этот счет определенные гипотезы. В частности, в письме к М. Горькому 3 января 1911 года Ленин, по существу, поет гимн капитализму как строю, в ходе развития которого только и создаются цивилизационные предпосылки социалистической революции, особо подчеркивая, что "кроме как в росте капитализма нет залога победы над ним" [2]. И это, в сущности, было азбукой марксизма⁵.

Случалось, что в среде коммунистов наблюдался повышенный спрос на теорию, точнее, гипотезу некапиталистического развития. Первый раз это произошло после Октября, в период создания Коминтерна. В то время лидеры большевиков, и в первую очередь Ленин, верили в скорую мировую революцию. Понимая, что она не может быть мировой, если 70% населения Земли живут в докапиталистических условиях, а в таких странах, как США и Великобритания, даже при самом буйном воображении трудно было представить возможность социалистической революции, Ленин как бы заново прочел все, что Маркс и Энгельс говорили о гипотезе минования капитализма. Принципиально нового он ничего не добавил. Если и была новизна, то она состояла в отказе от установившихся в кругах международной социал-демократии взглядов о

⁵ Кстати, Ленин был правоверным марксистом, пока не начал "улучшать" сто, поначалу допустив возможность победы социалистической революции в отдельно взятой стране, а затем и строительство социализма "с другого конца". Социализм, по Ленину, мог уже вырастать не из высокой цивилизации, а, напротив, высокая цивилизация могла вырастать из социализма. Для этого необходимо только, чтобы коммунисты взяли власть.

невозможности произвольно отменять исторические этапы развития в пользу, так сказать, "спрямления" общественного прогресса, отказе фактически и от собственных утверждений, что социализм может вырасти только из капитализма. Выступая на II конгрессе Коминтерна, Ленин заявил, что капиталистическая стадия не является неизбежной, если страны, в которых победит социалистическая революция, придут на помощь национально-освободительным революциям всеми имеющимися у них средствами [3]. Но вопрос не ставился в практической плоскости, ибо тут же оказалось бы, что даже при победе социалистических революций в Германии, Франции и Италии у этих стран не хватило бы средств, не разоря окончательно самих себя (они уже и так разорены в ходе Первой мировой войны), на социалистическую трансформацию таких огромных стран, как Китай, Индия и др. Ибо только тогда можно было бы говорить о мировой революции.

Второй раз пробуждение интереса к некапиталистической идее произошло, увы, не при переходе к строительству социализма в отсталых окраинных районах бывшего СССР, как многие полагали. И. Сталина это мало интересовало. Там преобразования осуществлялись фактически по той же схеме, что в центре страны. Оно связано совсем с другим. Сталину вдруг показалось, что в условиях нараставших в странах Запада трудностей в самый канун мирового экономического кризиса наконец создались предпосылки для мировой революции. И он навязал Коминтерну "тактическую линию компартий, исходя из перспективы пролетарской революции как непосредственной задачи дня" [4].

Конечно, с точки зрения здравого смысла абсолютно невозможно понять логику, по которой к такому выводу пришел "вождь всех народов". Не исключено, что ему потребовалось обострение международной обстановки для решения внутренних проблем, тем более, что следующий (1929) год стал переломным с точки зрения победы сталинской линии общественного развития в после-ленинский период. Соответственно, Коминтерну было дано задание вернуться к идее некапиталистического развития. Раз, так сказать, вот-вот "должна грянуть мировая революция", то без "третьего мира" (если говорить на современном языке) здесь не обойтись. И в принятой VI конгрессом Коминтерна программе дается радужная картина торжества общего дела победы над "гидрой капитализма": "При наличии центров социализма в лице Советских республик и их возрастающей экономической мощи отпавшие от империализма колонии экономически сближаются и постепенно объединяются с индустриальными очагами мирового социализма, втягиваются в русло социалистического строительства, минуя фазу дальнейшего развития капитализма как господствующей системы, и получают возможность быстрого экономического и культурного прогресса" [5].

По части новых мыслей тут тоже очень скудно. Зато много неких сюрреалистических констатаций, как-то: "центры социализма", "мировой социализм", "отпавшие от империализма колонии". Так оно и бывает, когда сказать нечего и начинают высасывать из пальца перспективы мировой революции.

Наконец, третий, самый мощный и самый продолжительный уже не интерес, а взрыв интереса к идее некапиталистического развития произошел в среде советских партийцев и обществоведов на рубеже 60-х годов. Но это уже не было авантюрой. Скорее, заблуждением, но заблуждением глобального характера. В период общественной эйфории, наступившей в годы короткой хрущевской "оттепели", многим из нас и в самом деле казалось, что социализм, избавленный от "сталинских наслоений", содержит в себе больше привлекательных черт, нежели капитализм. Он в тот период еще имел на себе "родовые пятна" старого капитализма, был далек от того посткапитализма, который мы имеем ныне. Был довольно агрессивен. Вел жестокие колониальные войны и даже в какой-то мере испытывал перед социализмом комплекс неполноценности. С одной стороны, капитаны капитализма завидовали нашей системе социальной защиты, которая по тем временам была довольно продвинутой, с другой -они были убеждены, что при сложившихся в тот период темпах роста производства Советов" рано или поздно догонят "свободный мир" по уровню производства на душу

населения и по жизненному уровню. Не случайно президент США Д. Кеннеди поставил перед США и странами Запада задачу довести темпы роста производства с 2,5 до 5%, в то время как у нас они составляли 8-10%. Во многом липовых, конечно. Это знали и мы, и они. И тем не менее... Мы первыми запустили спутник Земли, в молниеносно сжатые сроки освоили атомное и водородное оружие, межконтинентальные баллистические ракеты и пр.

Тогда объективно складывалась уникальная ситуация, что, повторись она, снова и снова была бы ставка на страны "третьего мира", на развитие по крайней мере части из них по нашему пути, на то, чтобы "заслужить у них" поддержку нашего курса на международной арене, наших позиций в ООН и т.д. Этого требовала сама логика конфронтации, в которую мы вошли фактически сразу же после победы Октября. Ведь правда и в том, что интерес СССР к "прогрессивным режимам" диктовался еще и стратегическим положением этих государств.

Однако что заставило прогрессивные (в прежних понятиях) силы "третьего мира" обратить взоры на идею социалистической ориентации? Широко бытует мнение, что решающее значение имели настроения, распространенные в широких народных массах. Антиколониальные, антиимпериалистические, а в конечном итоге и антикапиталистические, коль скоро колониализм стал продуктом капитализма как общественного строя. Эти настроения действительно были, но, скорее всего, не они сыграли решающую роль в том, что идея социализма приобрела необыкновенную популярность в странах "третьего мира". Более всего в странах Африканского континента в меньшей степени в Азии и в еще меньшей - в Латинской Америке, где капиталистические отношения к тому времени пустили глубокие корни. Оговоримся: социализма, *понимаемого разными силами по-своему*. Ведь речь шла не только о научном социализме, но и об "африканском социализме", "арабском социализме", "исламском социализме" и даже о "кооперативном социализме".

Каждая великая революция рождает в умах людей некую сверхзадачу, которая, конечно же, редко реализуется и которая под давлением реальных обстоятельств скоро уходит на задний план. Во время Великой Французской революции - это знаменитые лозунги "Свобода, Равенство и Братство!", в ходе Октября - это "Мир - народам!", "Земля - крестьянам!", "Фабрики - рабочим!". Освобождение народов от колониализма, несомненно, тоже было великой революцией, сверхзадачей которой была *самоидентификация*. Она распространялась и на путь общественного развития. Только свой, но ни в коем случае не западный, не капиталистический. А если социалистический, то только потому, что, как заявляли многие лидеры национально-освободительного движения, в их странах в доколониальную эпоху был строй, близкий социализму или даже идентичный ему.

Однако период общественной эйфории, рожденной обретением независимости, быстро уступает место периоду мучительных поисков решения самых насущных задач. И вот здесь я бы указал на следующие факторы. Во-первых, к поискам моделей социалистического толка звала сама идея развития, и прежде всего создания, как тогда выражались, национальной экономики. Если можно так выразиться, матерью обновленной теории некапиталистического развития стал Египет при президенте Г.А. Насере. Именно преобразования в Египте подвигли на новый путь развития многие молодые государства, в первую очередь в арабском мире. Придя к власти в результате военного переворота в июле 1952 года, Насер ни о каком социализме и не помышлял. Он был типичным, как принято было говорить в марксистских кругах, буржуазным (мелкобуржуазным) националистом, стремившимся, однако, к тому, чтобы ускорить развитие своей страны, повести ее по пути индустриализации. Но местная буржуазия (как и у нас в России) предпочитала вкладывать деньги в сферы, дающие быстрый оборот, а все его попытки получить помощь на Западе заканчивались безрезультатно.

Исторический подход требует признать, что в 50-е годы и даже значительно позже западный капитализм, далеко еще не трансформировавшийся в посткапитализм, во

многим еще оставался негибким, косным, агрессивным. Прежде всего это касается бывших владельцев колоний, но не в малой мере и США. Он, капитализм, не торопился к освобождению своих колоний и полуколоний. А если уходил из них, то стремился навязать им новые формы зависимости. Неоколониальные. В его планы отнюдь не входило помогать уже освободившимся народам создавать национальную экономику, тем более промышленность. (Раньше других с этой проблемой столкнулась Индия, некоторые иные молодые страны. И там тоже начинали говорить о социализме.)

В этих условиях Насер пошел на беспрецедентно смелый шаг, национализировав Суэцкий канал, принадлежавший англо-французской компании. В ответ на это в 1956 году началась так называемая Тройственная агрессия Англии, Франции и Израиля. СССР решительно выступил тогда на стороне Египта и даже предложил США, которые сдержанно отнеслись к вооруженной акции своих союзников, предпринять совместные действия по обузданию агрессии. Именно после этого в Египте началась национализация предприятий иностранного капитала, стал быстро создаваться мощный государственный сектор. К началу 60-х годов он уже насчитывал 428 компаний, управлялся из единого центра, будучи поставлен на плановые рельсы. В эти же годы началось широкое сотрудничество между Египтом и СССР по созданию основ национальной экономики. Между прочим, идея индустриализации и создания национальной экономики была одной из самых популярных в мире.

Во-вторых, на примере содействия СССР созданию основ национальной экономики Индии, Египта, ряда других стран молодые государства увидели появление альтернативного западному источнику для их развития. СССР ради расширения зоны своего влияния, сделали они вывод, будет готов оказывать им содействие в национальном строительстве. Не суть важно в данном случае, что возможности СССР, остальных социалистических стран здесь явно преувеличивались. В то же время молодые государства хотели видеть в лице СССР защитника на случай интервенции со стороны бывших метрополий.

В-третьих, СССР в течение многих лет оказывал разнообразную, в том числе военную, помощь борющимся народам, особенно на Африканском континенте. При этом многие лидеры национально-освободительных движений обучались в СССР, знакомились с теорией научного социализма, с успехами, достигнутыми на пути социализма. Успехи эти, как мы знаем, страшно преувеличивались, а недостатки либо скрывались, либо преуменьшались. Но так или иначе советская помощь оказала едва ли не решающее влияние на выбор в пользу социализма таких стран, как Алжир, Ангола, Мозамбик, Гвинея-Бисау и некоторые другие.

В-четвертых, многие лидеры стран "третьего мира" были под глубоким впечатлением достижений СССР на пути социализма. Повторюсь, сильно гиперболизированных. Они не знали того, что действительно крупные, поистине феноменальные достижения в одних областях, так или иначе связанных с военными интересами, отчасти с интересами "демонстрационного эффекта", обеспечивались за счет прозябания многих других сфер жизнедеятельности, а также за счет низкого жизненного уровня советских граждан. Они судили об успехах без учета сказочно богатых природных ресурсов СССР, которые ничем не компенсировать бедным странам. И практически совсем не учитывали, что старт молодой Советской России на пути индустриализации, ликвидации неграмотности, культурной революции и т.д. начался в условиях, когда старый капитализм в межвоенный период переживал глубочайший кризис. Хорошо известно то впечатление, которое производило на многих иностранных посетителей СССР, включая М. Ганди, Д. Неру, развернувшееся там строительство заводов, фабрик, школ, больниц и т.д.

Так или иначе миф о том, что социализм с его плановой экономикой чуть ли не автоматически гарантирует темпы роста, в несколько раз превышающие темпы роста в условиях капитализма, способен ликвидировать многовековую отсталость уже при жизни одного поколения, глубоко вошел в сознание немалой части общественности стран "третьего мира". Например, такой выдающийся африканский лидер, как Д. Нье-

рере, не раз заявлял, что освободившиеся страны не могут себе позволить роскошь идти по иному пути, кроме социализма, ради того, чтобы как можно быстрее преодолеть глубокую отсталость [6].

Жаль, что, как говорится, история не имеет сослагательного наклонения. Она, по существу, и не многовариантна, как принято считать. Ибо, как я уже говорил выше, реализуется тот вариант, который имел наибольшие шансы реализоваться. В этой борьбе "за" и "против" играют свою роль и мелкие детали, и общественные настроения, и нюансы, которые история, образно говоря, теряет по ходу своего развития. Историкам порой кажется, что если бы, скажем, Наполеона не подвела та или иная случайность, то он непременно разбил бы войска под Ватерлоо, но, по сути, подвела бы не одна, так другая "случайность".

Но тем не менее есть альтернативная точка зрения на ход исторического развития, в частности российского, основанная на многовариантности. У социализма-де была возможность самосохраниться, несмотря на трудности последних лет, на "грехи молодости", даже на "незаконнорожденность". Только, дескать, трагическое стечение обстоятельств, сознательно усиленное чьей-то злой волей, привело к гибели системы, у которой по меньшей мере были равные шансы как погибнуть, так и выжить. Аналитики всего мира-де потому и были застигнуты врасплох, что в крахе социализма не было никакой закономерности. Ведь максимум, о чем мечтали западные идеологи, это придать социализму более гуманные черты, а в конечном итоге - добиться его конвергенции с капитализмом.

То, что выход мог быть иным, говорит, дескать, пример Китая. И главный вопрос жизнеспособности любой системы - это, конечно же, экономика. Начни, скажем, СССР перестройку на китайский манер сразу же, как только командная экономика (а это уже стало очевидным к концу 60-х годов) стала буксовать, поумерь он свои претензии на мировое господство, не дай себя втянуть в безумную гонку вооружений, т.е. веди себя так, как это делает ныне тот же Китай, и ситуация наверняка была бы иной.

В подобного рода рассуждениях, несомненно, есть логика, но более убедительным кажется другой подход. Вспомним, что, например, серьезные историки говорят: если бы не было Наполеона, его место занял бы кто-то другой. Сама эпоха требовала человека с задатками Наполеона. По аналогии можно сказать: если бы того потребовал ход истории, то уже на месте Н. Хрущева был бы "советский Дэн Сяопин", а на месте Горбачева - "советский Рузвельт", а Л. Брежнева бы просто не было. Но история идет по своим собственным законам. Отсюда логично сделать вывод: *то, что обречено, само себя толкает на верную гибель и в предначертанные для этого сроки.* Не это ли объясняет буквально фантастическое число ошибок, которые совершили "гэкачэписты" всего за три дня в августе 1991 года?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Социалистическая ориентация освободившихся стран. М., 1982.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 12.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 245, 246.
4. Советский энциклопедический словарь. М., 1990. С. 619.
5. Коммунистический Интернационал в документах (1919-1932). М., 1933. С. 31.
6. Nyerere J.K. Freedom and Socialism. Dar es Salaam. 1968.